

— Вы уже много месяцев занимаетесь исследованием российской эмиграции на Кавказ. Что удалось выяснить?

— Я в настоящее время живу в Ереване около полутора лет и сейчас работаю сразу над двумя проектами, посвященными российской эмиграции. Один из них выполняется при поддержке университета Джорджа Вашингтона в США, а второй мы запустили совсем недавно, в рамках моей стажировки в Ереванском государственном университете.

— Что за это время выяснилось? Стало понятно хотя бы примерно относительное количество людей, которые здесь находятся?

— Мы скорее все-таки явное меньшинство, но живущее очень локально, и более того, меньшинство очень близких по возрасту людей, близких по своей профессиональной специализации. И, наверное, второе, что для меня стало интересным выводом, это то, что степень интеграции этого сообщества в армянское общество довольно низкая, это люди, которые живут в основном в своей виртуальной Москве.

— Это что же, получается, русское гетто у нас тут?

— Гетто – это очень эмоционально окрашенное слово. Когда его произносишь, сразу представляются какие-то бедные кварталы, орды преступников... Я не думаю, что это про наш случай. Не знаю, не думаю, что тут уместно это слово употреблять. Я бы сказал, что действительно порок вхождения россиян в армянское общество достаточно низкий, и наверняка это было одной из ключевых причин, по которым многие люди эту страну выбрали для переезда.

— Почему же мы этим не пользуемся?

— Так в том-то и дело, что мы этим пользуемся! От нас много не требуют, мы много и не делаем. Почему, например, многие россияне не учат армянский язык, переехав в Армению? Потому что Армения достаточно добра к россиянам, и она от них этого не требует. То есть, даже когда россиянин приходит оформлять документы в государственные ведомства, в принципе он спокойно может объясниться на русском. Я не знаю другой страны, в которой такое доброе отношение к приехавшим. Поэтому степень интеграции не очень высокая.

— Нас всё ещё любят здесь?

— Я бы сказал, что армянскому обществу хватает мудрости и какого-то чувства такта, чтобы понимать разницу между российской властью, к которой действительно претензий стало намного больше, и россиянами, которые от этой самой власти бегут. Я хорошо это могу видеть по примеру своего знакомого, с которым я много общался в разные периоды своей эмиграции. И вот он в мае двадцать второго года мне говорил: «Брат, я не понимаю, почему вы уезжаете от Путина. Такой хороший лидер, у вас такая сильная страна. Зачем вам Армения?». В октябре того же года он уже сомневался. А в сентябре двадцать третьего года он мне сказал, что как же мне надоели ваши власти, поскорее бы они уже у вас сменились, но не переживай вас здесь никто не обидит. Вот такая была формулировка.

— Смотрите, я знаю, что ещё в прошлом году наш приезд в Армению для очень многих был скорее транзитным, и это вызывало раздражение армян. Я помню все эти разговоры про то, что Армения это не проходной двор.

— Вы знаете, я думаю, это миф. Не то что люди уехали, а то, что многие сюда приезжали как транзитники. Я думаю, что доля тех, кто сюда приезжал с транзитом, довольно сильно переоценена. Ну, во-первых, не так уж и много здесь выдают визы страны Европы и Соединённые Штаты. Процент отказов по Соединённым Штатам, например, в Ереване — один из самых высоких на постсоветском пространстве. С другой стороны, когда мы говорим, будто люди, приезжающие в Армению, это всё транзитники, это

искажает восприятие самой страны, в целом, если по-честному смотреть, есть много причин, по которым Армению россиянин может выбрать для постоянного места жизни, и многие это делают.

— Давайте перечислим их.

— Ну, во-первых, это очень низкий порок культурного вхождения. Быт похож на то, что есть в России. Подавляющее большинство населения понимает русский язык, объясниться ты можешь практически везде. Кроме того, очень понятная бюрократическая система. Я не говорю, что она совершенная, совершенной, наверное, в мире нет нигде. Но в ней разобраться можно, и легализоваться здесь не сложно. Ну и кроме того, здесь достаточно легко получить перевод денежных средств из России, что в большинстве стран Европы, например, является проблемой, что в Грузии не самая простая задача. А здесь в принципе это работает. Ну и конечно, не стоит забывать про добрый настрой местного населения, это действительно чувствуется, он есть.

— Ну, есть и в тоже время очевидные минусы. Скажем честно, Армения страна экономически слабая, Армения очень сильно зависима от той самой России, откуда нам пришлось уехать. Есть постоянные риски войны. Есть очень много аргументов, чтобы не приезжать в Армению.

— Но часть из них мне опять же кажутся надуманными. Поймите, я не делаю рекламу армянскому обществу и армянскому правительству, но в целом есть, мне кажется, вещи, которые надуманы. Я знаю, например, что у многих россиян есть страх, что Армения их выдаст России, если придет соответствующий запрос, если там будет уголовное дело. И поэтому, например, насколько я понимаю, многие выбирают Грузию, а не Армению для переезда. Но это надуманные проблема, потому что, насколько я знаю, ни одного случая выдачи россиян из Армении в Россию не было. Всё относительно, понятно, что есть страны более богатые, с другой стороны, в Армении сейчас экономический бум, в том числе вызванный интенсивным притоком денежных средств из России и квалифицированных сотрудников из России. Армения, очень по ней видно, что она меняется к лучшему, что у неё обновляется транспорт, ремонтируются дороги. Понимаешь, куда в принципе уходят все эти деньги. Для людей, которые обдумывают сюда переезд, наверное, больше проблема — это всё-таки дефицит рабочих мест. Есть сферы, в которых просто невозможно практически найти работу, это да. Но насчёт бедности не знаю, не думаю, что это многих отталкивает.

— В чём особенность армянской эмиграции? Русские, приехавшие в Армению, они кто?

— Их очень условно, наверное, можно воспринимать как единую группу. Давайте скажем более осторожно: для людей, которые сюда приехали на постоянное место жительства, характерно несколько вещей. Во-первых, желание находиться в комфортной более или менее привычной обстановке, потому что быт в Армении во многом схож с российским, тебе не надо себя переламять. Не говоря о том, что ты приходишь в магазин, видишь плюс-минус те же продукты, которые ты мог купить в Москве, в Воронеже. А второе, что их отличает - профессиональная ориентированность. Например, немецкое русскоязычное сообщество, туда в основном уезжают либо политические активисты, либо учёные которых Германия нещадно пылесосит со всей России, очень много журналистов.

— Кто уезжает сюда?

— Ну, судя по тому что мы видим большой всплеск экономической активности, сюда уезжают люди, которые ориентированы на бизнес, и Армения достаточно лояльно помогает открывать здесь бизнес россиянам. И конечно, сюда уехало много специалистов IT-отрасли которые работают удалённо. Кто-то, наверное, на Россию работает, кто-то на

иностранные компании, кто-то работает на местный рынок, их действительно много.

— Если я спрошу вас, насколько богаты эти люди? Насколько они старые, молодые? Женатые, холостые? Что вы скажете?

— Это в основном люди в возрасте примерно 30 лет, у большинства из них есть брачный партнёр, но нету детей. Многие из них имеют зарплату примерно от 500 до 1000 долларов в месяц. Многие из них уехали по политическим причинам, потому что не поддерживают происходящее на войне и всплеск репрессий, который начал происходить в России после этого. Вот если какую-то попытаться картинку давать, наверное, это вот так можно описать.

— Так, давайте разберёмся. Значит, это, получается, политическая эмиграция. То есть, эта эмиграция, так скажем, скорее мартовская, а не сентябрьская?

— Я думаю, что сентябрьской здесь практически не осталось уже. В марте из страны уезжали в основном люди, которые были не согласны с происходящим, или уезжали по политическим причинам. Более того, в большинстве своем это были люди, которые либо готовились к отъезду уже, либо допускали, что им придётся это делать. И в этом было принципиальное отличие этих людей от тех, кто поехал в сентябре. В сентябре люди побежали внезапно, спонтанно и часто неподготовленными, потому что мобилизацию в России мало кто ожидал. Те, кто про неё говорил, воспринимались как шуты. А когда она случилась, мы увидели эти очереди на Верхнем Ларсе, билеты в Ереван по стоимости от 1000 долларов за место и выше. Судьба этих людей была не очень, на мой взгляд, благоприятной. Потому что когда ты уезжаешь в другую страну неподготовленный, вынужден снимать жильё за полторы две тысячи долларов в месяц, а такие цены тогда были вполне нормальны, ты вряд ли в этом сможешь долго прожить. И тем более очень скоро в России сказали, что мобилизация закончена, поэтому эти люди в значительной степени начали утекать обратно. И я не думаю, что мы сейчас можем говорить о большом количестве сентябрьских эмигрантов в Ереване, в Тбилиси, да где угодно.

— Еще в прошлом году сюда был очень большой въезд. Я помню, называли цифру около полумиллиона. Министр экономики Армении озвучил цифру оставшихся русских, там было, по-моему, 118.000. И если отсюда не очень сильный транзит, это означает то, что люди возвращаются. В последнее время были опубликованы цифры статистического ведомства о том, что за последние месяцы отсюда в Россию вернулось около 30.000, это очень много. Вы эту историю подтверждаете? То есть, это похоже на правду?

— Я бы сказал, что цифр 64000 мне видится более близкой к истине, но тут начинается много оговорок. Непонятно, как они считают. Например, как они отделяют туристов, приехавших сюда, от тех, кто решил здесь остаться постоянно, учитывая что в статусе туриста россиянин может жить в Армении 180 дней, а потом, хотя это и не разрешено законом официально, но всё-таки сделать визаран, вернуться и снова жить как турист 180 дней. Когда министр экономики или другой компетентный эксперт озвучивает свою оценку, 100.000, например, он говорит своё профессиональное видение той среды, с которой он работает, и наверняка у этого есть основание. Цифра 64.000 — это официальная статистика, в которую могут попадать далеко не все. А если попадать, то, может быть, не совсем так, как это нужно для понимания ситуации. Ну, например, официальная статистика не будет фиксировать людей, которые здесь по факту живут постоянно, но не оформляют толком никаких документов, а это в принципе возможно. Кроме того, в официальную статистику не будут попадать люди, которые находятся в туристическом статусе, но проживают здесь долго. Ну например, 5 месяцев, а потом он выезжает на месяц, возвращается обратно и снова по факту здесь живёт какое-то длительное время.

— Но у нас в целом очень специфическая миграция, она непонятная. Я знаю огромное количество людей, которые не понимают, уехали они или нет. Сами люди

находятся в абсолютной невесомости, они даже спустя полтора года сейчас не приняли окончательного решения, они постоянные резиденты Армении, они туристы, они эмигранты. Кто они? А если они завтра поедут обратно? У нас очень странное положение сейчас.

— Да, и к этому странному положению надо привыкать. Я, наверное, говорю сейчас не очень приятные для эмигрантов вещи, но, на мой взгляд, нынешнее положение не даёт нам оснований для надежд на какие-то длительные планы, на долгосрочную пребывание гарантированное в каком-то месте. Я могу в том числе по себе об этом сказать, я этот опыт тоже переваривал, но я понимаю чётко, что я нахожусь в Ереване точно до мая следующего года, пока действует мой контракт. Что будет дальше, мне сказать сложно. Продлят контракт, буду здесь, предложат в другом месте — мы, наверное, поедем в другое место. И я думаю, что аналогичная модель мышления сейчас у многих если не сложилось, то начинает складываться. Мы оказались в ситуации, когда никто никаких гарантий давать не будет. Мы будем зависеть от того, где нам предложат работу. Эта проблема есть у многих людей. Да, они как бы живут в подвешенном состоянии, но другого сейчас не будет.

— Абсолютно удивительная вещь, которую я уже полтора года наблюдаю, это так называемый синдром переживания войны. Люди не то чтобы эмигрировали, они уехали в надежде, что через какое-то время всё это утрясется, и они приедут обратно домой и продолжат прежнюю жизнь. Это настроение владеет очень многими в разных странах.

— Это распространённое заблуждение, которое действительно массово встречается среди мигрантов. Оно ложное, то есть понимаете надежды на то, что вот завтра что-то изменится в России, мы туда сможем вернуться, я не вижу. А с чего вдруг оно там что-то изменится? Там настолько укоренились многие проблемы, которые многих из нас вынудили уехать, что даже какое-то глобальное событие, ну например, пофантазируем, государственный переворот, смерть Путина — это вряд ли что-то системно поменяет. Если человек вот сейчас, в ноябре декабре 2023 года сохраняет ещё иллюзию о том, что он может где-то пересидеть, он слишком наивен и от этих иллюзий по-хорошему надо бы уже избавляться. Но то, что это есть, безусловно с вами согласен.

— Даже визуально видно: если ходить по улицам Еревана, то становится меньше русских. Я понимаю так, что люди в каких-то осязаемых количествах всё-таки возвращаются. А какие у них на это причины? Ехать обратно из Армении в Россию — это же не просто возвращение домой, а спустя полтора года это уже вторая эмиграция.

— Причины разные, но, наверно, ключевая причина, которая тут может быть, это усталость от сознания того, что ты долгое время находишься далеко от дома, от близких людей, от привычной для тебя жизни. И конечно, от этого устаёшь. Я думаю, что каждый, кто живёт за пределами своей страны дольше там двух месяцев, это чувство рано или поздно ловит. Его я ловил, наверно, вы его ловили, наверняка почти все. Представьте: муж уехал от мобилизации условной, оставил жену там, жена переехать не может по семейным причинам. Понятно, что рано или поздно он либо будет с ней разводиться, либо пожелаем им счастья, он к ней вернётся. Потому что ну тяжело так жить, наверное. Но опять же, мне кажется, что мы слишком поспешные делаем выводы, когда смотрим, что россиян на улице стало меньше в Ереване. Мы сейчас смотрим в октябре-ноябре и сравниваем это с летним периодом. Но переехавшие россияне довольно мало слоняются по улицам, они работают в основном. Те, кого мы видим на улицах - это туристы, туристов всегда становится меньше, когда заканчивается лето.

— А смотрите, но всё-таки. Прошло довольно много времени, мы за это время, если постоянно жили здесь, то мы всё-таки отвыкли от привычной российской жизни, мы уже как-то обросли вещами, уже нашли какую-то работу. Мы уже поняли, что в принципе можно обходиться без России, и если сейчас принимается решение вернуться, это огромная

ломка, даже более серьезная, чем при отъезде из России. Поскольку мы же уезжали из страны, в которой очевидные проблемы, в неизвестность. А сейчас если возвращаться, то придётся ехать из страны, в которой уже понятно, что в принципе неплохо, а некоторым даже хорошо, в полную неизвестность, я бы сказал — чёрную неизвестность.

— Этот фактор, безусловно, играет свою роль. Когда мы сюда приезжали, у нас практически ничего не было, но, чем дольше человек живёт в стране, тем больше он к ней привыкает и тем большим количеством вещей он обрастает, как вы правильно говорите, и ему будет сложнее возвращаться. С каждым новым днём вероятность того, что там вы или я вернёмся обратно, она чуть-чуть тает, становится чуть-чуть меньше. Поэтому я думаю, что те, кто здесь живет, те, кто более-менее адаптировался к этой жизни, уже имеют мало мотивов возвращаться. Понимаете, вот как бы если посмотреть баланс. Вот есть ностальгия, а есть устаканившийся быт здесь. Если ностальгия перевешивает, человек возвращается, но с каждым днём устоявшаяся жизнь здесь, она будет более привычной. Я, например, даже по себе понимаю, что вот, например, сложится так, что мы с женой уедем из Еревана в какую-нибудь другую страну, где мне или ей предложат работу, и я понимаю, что, наверное, я уже по Еревану-то буду побольше скучать, чем по городу, в котором я живу в России, вот как факт.

— Вы сказали — ностальгия, тоска по прежней родине. Но ведь мы же понимаем, что этой родины уже нет, мы уезжали из другой России, а всё это время, эти полтора-два года Россия не стояла на месте, там уже другая жизнь и там уже тоже научились обходиться без нас. Это только кажется, что у нас там есть своё место, мы там всё знаем. Но ведь это уже не так.

— Надо почаще себе повторять то, что вы говорите это рациональная логика. Она очень хорошая. Она очень отрезвляющая, но тоска по автобусам, на которых ты ездил, по каким-то деталям бытовым, иррациональна, и она никуда не девается, она всё время будет сопровождать нас. А вот напоминать себе о том, что та реальность, которую мы знали, уже сильно мутировала, конечно, надо.

— У нас сейчас очень странная ситуация, она не похожа на, скажем, советскую эмиграцию, не похожа на положение людей, которые бежали из Третьего рейха. Всё это время, эти полтора года работает интернет, поддерживаются связи, нету железного занавеса, и даже не очень понятно из-за этой штуки, уехали мы или нет. Просто раньше если люди уезжали, они обрывали связи и прощались навсегда. Сейчас, поскольку мы живём в таком странном постмодернистском мире, у нас какая-то гибридная миграция. Насколько реально в этих условиях, если ты уехал, полностью обновиться, начать новую жизнь, сказать России: нет, всё, у меня теперь новая жизнь. Насколько реально так поступить в наших условиях? А если конкретнее, в Армении?

— Я думаю, что это не только в Армении, это везде нереально сейчас. Другой вопрос, надо ли. Мы живём в глобальном мире, где информационные технологии стали рутиной. Наверное, в этом какая-то наша слабость, потому что действительно, мы уехали из России, но мы продолжаем смотреть русскоязычное кино, читать русскоязычные новости. Это не очень хорошо. Это мешает адаптироваться к новой жизни, но другой вопрос: а зачем окончательно связи рвать? Вот это не очень понятно, я вижу, что в этом в том числе и наша сила. Потому что мы можем развивать тесные связи между эмигрантами в разных странах, мы можем формировать единое сообщество уехавших россиян, обсуждать проблемы, которые у нас сложились, в конце концов заниматься представительством своих интересов. Я насколько вижу, до этого пока не дошло, но интернет такую возможность технически даёт. И мне кажется, что рвать ментальные связи сейчас со своей родиной было бы не очень правильно. Другое дело, что место, в котором ты живёшь, оно для тебя, на мой взгляд, как-то должно быть более понятным, более естественным, но совсем рвать, может, и не надо.

— Я просто ловлю себя на том, что мне уже не особенно интересны российские новости, то, что происходит вокруг, армянские новости, то, что происходит здесь, это уже явно важнее, поскольку физически я все-таки нахожусь тут. Опасно не понимать, что происходит вокруг.

— Это явно важнее, но здесь надо просто вернуться к портрету этих людей, про которых мы говорили раньше. Не все, но большинство этих людей уехали из России по политическим причинам. И им очень сложно дистанцироваться от того, что там происходит. Просто потому, что это задевает их за очень чувствительные места, за их ценности. И перестать читать российские новости они не только не захотят, но и скорее всего и не смогут. Поэтому мне кажется, они ведут себя совершенно закономерно для людей, которые уехали по политическим причинам.

— Но прошло уже 2 года, сколько можно жить с головой, повернутой назад?

— Я думаю, что так можно жить всю жизнь, да. Ну, по крайней мере, наверное, со временем этот интерес будет слабеть. Люди будут больше понимать, что они уехали в другую страну, всё-таки, наверное, её новости, они как-то поважнее, но в целом я не вижу ни одной причины, по которой человек не сможет прожить так всю жизнь, если у него будет на это настрой внутренний.

— Но это же ущербная жизнь. Нет, это всё-таки ментальное гетто.

— Ну наверное, в каком-то смысле. Да, ты сам себя загоняешь в те рамки, где тебе жизнь твоей нынешней страны проживания неинтересна, а то, что происходит в стране, из которой ты уехал год-два, там 5 лет назад, для тебя представляет большую ценность.

— Как мы все за это время изменились? Ведь ситуация не статичная, она очень подвижная. Вот что можно сказать про эти процессы, которыми по разным данным охвачено, там не знаю, миллион людей, полтора миллиона. А уже, может, и два.

— Не знаю, наверно, ключевое, что с нами произошло, мы поняли, что мы живём в новом мире. Ну, по крайней мере, те, кто смог адаптироваться, кто-то в большей степени, кто-то в меньшей степени. Но люди начали осознавать, что случившийся отъезд, он оказался глобальным, и в общем либо ты внутренне что-то в себе меняешь, ты готов вернуться в страну, из которой ты уехал и смириться с тем, что ну такая вот она сейчас, какая тебе не нравится, либо ты уже перестраиваешься под новую жизнь в той степени, в которой ты на это способен. И мне кажется, что вот ключевое, что поменялось за почти уже там сколько полтора-два года этого процесса: те, кто уехал, они начали устаканивать свой быт за пределами страны, они начали привыкать к тому, что вот они живут не там, они живут за пределами страны. И скорее всего, проживут там ещё очень долго, и вот эта иллюзия, что можно будет скоро вернуться, она у многих начала проходить.

— А скажите, за это время, стало меньше людей уезжать?

— Было два совершенно конкретных всплеска: это был март двадцать второго года и это был сентябрь двадцать второго года. То, что происходит после этого и между этими датами, это такой размазанный отток людей, которые, безусловно, продолжают уезжать и вне пиков. Но это начинает постепенно иссякать, ведь когда случилось начало войны в феврале двадцать второго года, об отъезде задумались очень многие люди, но их, наверно, можно поделить на два типа. Те, кто уехал сразу, и те, кто уезжал попозже. То есть, как бы принял решение тогда же, но решил подойти к нему более ответственно. Ну, например, оформить документы, подождать пока схлынут цены на аренду. Ну, то есть, имел возможность подождать. И я так понимаю, что спустя полтора года-то после марта этот поток уже тоже скорее всего иссяк, потому что всё это не требовало такого длительного времени, те, кто хотел и мог уехать, они уже это в основном сделали.

— У многих людей так называемый кризис принятия решений. И люди долго,

месяцами, годами не могут решиться. Может быть, завтра что-то произойдет, после чего они решатся уехать.

— Мне кажется, любого человека, любого гражданина любой страны поставь такую ситуацию, и он окажется перед сложным выбором: уехать из страны в неопределённость — это очень тяжёлое решение, на него решиться сложно, даже если у тебя убедительные обстоятельства. Я много раз это слышал, когда общался с учёными. Эта мысль мелькала просто вот практически в каждом из двадцати интервью, которые у меня тогда были, что я давно хотел и давно думал, но случилась война. Я понял, что это вот последний уже аргумент, что у меня теперь просто нет выбора. Поэтому да, миграционные настроения, они зреют, наверно, годами, но что-то, наверно, является для них решающим фактором. Но если уже прошло полтора года, и этот решающий фактор под названием начало войны или там мобилизация, или репрессии ещё человека не подтолкнул, то скорее всего уже и не подтолкнет.

— Если завтра сменится режим в России, если что-то всё-таки объективно улучшится, как вам кажется, какой процент эмиграции вернется, а сколько останется?

— Какая-то доля, безусловно, поедет обратно, потому что вот тут как раз ностальгия будет явно перевешивать, надежда появится. Я просто не думаю, что будет очень большой поток, потому что опять-таки прошло довольно много времени, у людей устаканился быт и, какие бы перемены в России не случились, у нас у всех будет возможность сначала посмотреть на это издалека. Я бы очень не советовал, честно говоря, людям, которые уехали из России и имели для этого какие-то веские причины, сразу после резкой смены ситуации в стране, туда возвращаться. Там принято довольно много сложных по своим последствиям законов, которые для людей могут представлять угрозу. Надо подумать вообще, стоит ли оно того, лучше присмотреться. Мы немножко выходим за рамки темы, но это тоже важно понимать, что проблемы, которые есть у России как государства, они не исчерпываются конкретной личностью во главе страны, и они не исчерпываются самим фактом войны. От того, что кто-то сменится у руля страны, и от того, что закончится война, эти проблемы никуда не исчезнут, и, понимаете, смотреть за тем, как будет развиваться ситуация, лучше бы всё-таки издалека. Если вы уже уехали. Если вы уже приняли решение, что вы не там, то лучше всё-таки не бежать туда сломя голову, а посмотреть, насколько для вас это будет безопасно. Я думаю, что многие люди в эмиграции это понимают. Тут опять-таки польза нам, то что многие смотрят российский сегмент Ютьюба и понимают градус новостей, которые приходят из страны, получают хорошие экспертные комментарии.

— Как вам кажется, в Армении у нас всё-таки больше русских знакомых или армянских?

— Я предполагаю, что у большинства переехавших всё-таки круг знакомств ограничивается русскими, возможны какими-то контакты с армянами, потому что армяне очень открыты к россиянам, это чувствуется, готовы общаться, помогать, это вызывает большое уважение, но установка на жизнь в ментальной Москве у многих россиян, она ограничивает их собственное стремление к коммуникации. Россияне как-то тянутся в большей степени друг к другу, ну и плюс вот это тоже важно сказать, здесь играет роль уязвленное чувство солидарности. Мы тянемся друг к другу, потому что мы чувствуем, что мы не нужны своей стране, она просто создала условия, чтобы мы из неё уехали. А с другой стороны, мы никому другому в мире этом тоже не нужны, у нас нет никого, кроме друг друга, и это нормально. В общем, я не думаю, что Германия, Армения, не знаю, Франция, США должны как-то стараться помогать россиянам, но просто нормально, что, оказавшись на чужбине, они как и всякий изолированный народ, испытывают чувство солидарности друг с другом, к друг другу тянутся, хотят друг другу помогать.

— Как вам кажется, что может быть с нами дальше, какие прогнозы?

— Мне представляется, что постепенно мы будем развиваться как русскоязычная международная диаспора, она не будет привязана полноценно к каким-то конкретным странам, не будет как-то жёстко где-то локализовано. Скорее это будет международное сообщество уехавших россиян, которые будут поддерживать связь друг другом и помогать друг другу. Я не думаю, что мы в ближайшее время увидим массовое возвращение этих людей в Россию. Всё-таки они, во-первых, уже уехали, во-вторых, ситуация в России вряд ли к этому будет сильно располагать. А вот то, что мы увидим развитие такого международного русскоязычного сообщества, думаю, что это вполне возможно. А второй вариант, что может быть. Ну, я, честно говоря, не очень в это верю, но тоже допускаю: мы можем постепенно начать интегрироваться в те страны, в которых мы живём, и превращаться в их полноценных жителей. Ну, я не думаю что это очень вероятно. Потому что я не вижу таких настроений массовых в русскоязычных сообществах в Армении, Грузии, которые изучаю, ни в Сербии, Казахстане, которые изучают мои коллеги, я такого массового запроса не вижу. Но если ситуация будет затягиваться, это тоже вполне возможный вариант, до этого тоже можно дойти.